

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ОПЕРАЦИЯ "БАРЬЕР-2"

"Первому заместителю Главного управления
государственного таможенного контроля СССР
тов. Боярову В.К.

Как показала проведенная проверка, информация, полученная от капитана польского сухогруза Новицкого, полностью соответствует действительности. В настоящее время Министерство внутренних дел ПНР проводит широкомасштабную секретную операцию "Железо", целью которой является вывоз из Советского Союза драгоценных металлов, иностранной валюты, продуктов питания и товаров бытового назначения. В операции задействованы кадровые сотрудники МВД, их агентура из числа членов экипажей морских и воздушных судов, служащих туристических фирм, а также польских, северокорейских и африканских дипломатов.

В прошедшем году на территории СССР был отмечен значительный рост контрабандно-спекулятивных проявлений со стороны граждан Польской Народной Республики, что объясняется в первую очередь тяжелым положением на внутреннем продовольственном рынке страны. В связи с этим резко повысился спрос на свободно-конвертируемую валюту. Если в начале текущего года американский доллар стоил восемьсот злотых, то в мае – уже тысячу двести, а в портовой Гдыне – полторы тысячи... Многие состоятельные поляки приобретают в специализированных магазинах "Певекс" за доллары и марки ФРГ продукты питания, промышленные товары и т. п.

Из всех стран социалистического лагеря в Советском Союзе самая низкая цена на доллар (на черных рынках Москвы и Ленинграда – 5 рублей, Киева и Львова – 7). Для сравнения, в Будапеште и Белграде доллар стоит от 50 до 70 рублей.

Пользуясь определенными пробелами в таможенном законодательстве СССР, например отсутствием санкций за отчуждение личных вещей, польские граждане провозят под видом собственных крупные партии промтоваров для последующей реализации; на вырученные деньги скупается иностранная валюта, которая впоследствии нелегально вывозится за границу.

О том, какой размах приобрела ее скупка, свидетельствует следующий факт. Только в декабре прошлого года Ленинградская торговая фирма "Березка" не выполнила план по продаже радиотоваров на сумму свыше двух миллионов инвалютных рублей. Ранее эти товары через студентов-африканцев скупали местные фарцовщики. В данный момент стало выгодным продавать валюту гражданам Польши.

Одним из основных каналов поступления предметов ширпотреба являются круизные поездки поляков в Стамбул. Закупленные в Турции дешевые товары из Тайваня и Гонконга впоследствии реализуются на рынках Одессы, Киева, Черновцов и Львова.

Многие польские контрабандисты, следуя транзитом через территорию СССР, умышленно сходят с заявленного во въездной визе маршрута и, проживая нелегально, занимаются продажей ширпотреба и скупкой иностранной валюты.

Каналами перевозки контрабанды являются поезда: Ленинград – Варшава, Москва – Свидлице, Киев – Легница и другие.

Реализация ввозимого поляками товара предоставляет определенной прослойке советских граждан (кооператоры и другие) возможность для извлечения нетрудовых доходов, что, в свою очередь, ведет к расслоению общества и является питательной средой для

проявлений уголовного характера со стороны криминального элемента. Кроме того, контрабандная деятельность польских граждан наносит существенный ущерб экономическим интересам государства.

Начальник Шестого Главного управления
КГБ СССР."

***

- Только что вы прослушали информацию Шестого Главка, - обратился Бояров к участникам совещания. – Кто готов выступить?

- Разрешите, Виталий Константинович? Одесская таможня...

- Пожалуйста, товарищ Ятковский. т.

- В прошлом году через Одесскую таможню в Стамбул и обратно прошло пять тысяч семьсот поляков, они привезли с собой миллион пар джинсов и джинсовых юбок, три миллиона свитеров, семьсот километров ткани, десять миллионов пар колготок. Только за один рейс круизный теплоход "Эстония", зафрахтованный польской стороной, доставляет товаров на сумму пять-семь миллионов рублей. И как показывает практика, девяносто процентов товара оседает в нашей стране у дельцов теневой экономики Одессы, Черновцов, Львова. Через эти города польские туристы возвращаются на родину.

При выезде они обычно заявляют: багаж потерян, его украли и тому подобное, не заботясь даже о правдоподобности своей версии: поди, проверь.

Таким образом, идет мощная подпитка черного рынка, его дельцы имеют возможность распоряжаться огромными ценностями. Дополнительный стимул получает спекуляция советскими товарами. Продав привезенный из Турции ширпотреб, поляк напрямик отправляется к тем, у кого имеется доступ к торговым базам.

- Понятно. Что хочет сообщить представитель Мостисской таможни?

- За шесть месяцев текущего года туристами-круизниками было вывезено в ПНР восемнадцать тысяч цветных телевизоров, тридцать тысяч швейных машин, десять тысяч холодильников, пятьдесят тонн сливочного масла, спиртные напитки исчисляются в сотнях тысяч тонн.

- Что у вас? – обратился Бояров к заместителю начальника Управления по борьбе с контрабандой Федосееву.

- Недавно работниками органов госбезопасности проводилась операция, в ходе которой удалось установить немало перевалочных пунктов, выявить отечественных дельцов, которым поляки сдают свой товар; суммы конфискации миллионные. Безусловно, планомерные действия правоохранительной системы необходимы. Хотя очевидно, что этим проблему не решить. Но и ждать, когда снизится тотальный дефицит, тоже нельзя: если будут продолжаться регулярные инъекции в черный рынок; мы еще долго не сумеем встать на ноги.

- Что предлагаете, Юрий Георгиевич?

- Я предлагаю провести мероприятие, аналогичное прошлогоднему "Барьеру".

- Понятно. Андрей Борисович?

- Нужно, наконец, начать уважать собственные законы. А то мы их принимаем, но они не работают. Ни в какой другой стране никто не позволил бы полякам, да и другим иностранцам, совершать незаконные сделки. У нас они абсолютно уверены в благополучном для себя исходе. Чего боимся? Стесняемся обидеть дружеское государство, спецслужбы которого ведут против нас целенаправленную операцию? Пора приучить поляков к мысли: закон есть закон и его непозволительно превращать в жалкую бессмыслицу ни нам, ни нашим гостям. Я согласен с Юрием Георгиевичем и предлагаю создать рабочую группу из наиболее опытных сотрудников, поручить им разработку операции по задержанию контрабанды на различных участках государственной границы.

- Ну что ж, готовьте план.

- Виталий Константинович, могу я привлечь Никандрова?

- Возьмите кого-нибудь другого.

- Присмотрись к Краеву, - посоветовал Федосеев. – Тоже неплохой специалист.

БЕГСТВО ИЗ СЕРАЛЯ

Как сказал древний мудрец, в одну и ту же реку нельзя войти дважды. Однако Аркадия Стахуру в течение жизни неоднократно возвращало на круги своя, хотя омывало другими горячими и студеными водами. Еще в ранней юности Стахура избрал себе "майданку", особую профессию – вор в поездах дальнего следования, но не брезговал он и "карманкой". Правда, профессиональным мастером карманной тяги стать не смог – слишком часто случались досадные прецеденты, связанные с поимкой его руки в чужих карманах. Но если считать прожитые им годы богатством, то Стахуру смело можно отнести, наряду с рубщиками мяса и продавцами в пивных ларьках, к состоятельной прослойке общества. Из своих сорока девяти больше половины ему пришлось провести в местах лишения свободы. Тем не менее, несмотря на систематические конфликты с нормами Уголовного кодекса и почти что постоянным проживанием в районах весьма отдаленных от Одессы, такой образ жизни не коснулся его внешнего облика. Моложавый, подтянутый, приятный и обходительный в общении, Аркадий Стахура на первых порах производил впечатление интеллигентного, доброжелательного человека. Два года назад, освободившись после длительного пребывания на Крайнем Севере, он вернулся в родной город. Месяц отдыхал, потом оформился кочегаром на станкостроительный завод, о чем предоставил участковому справку, после чего к заводу на близкое расстояние подходил. Стахура не испытывал тяготения ни к какому труду, а поскольку жизнь на свободе без денег создавала определенный дискомфорт, ему снова пришлось искать источник их поступления.

Как-то в гастрономе Аркадий Леонидович заметил в очереди миловидную даму, сумка которой была приоткрыта. Приблизившись к ней, он начал было "ласкать" ее содержимое.

- Цо пану потшебно? – воскликнула женщина по-польски.

- Хочу с вами познакомиться, - улыбаясь, спокойно ответил тот на родном ей языке, которым владел в совершенстве: его бабушка по отцовской линии была обрусевшей полькой.

- Очень странная манера, - заметила женщина с лукавой усмешкой.

- Почему же? – возразил тот. – Манера вполне присуща творческим людям.

Представившись корреспондентом городской газеты, уже через пять минут он рассказывал ей о своих грандиозных замыслах.

Новая знакомая тоже оказалась разговорчивой. Как выяснилось, сорокалетняя Стефания Кондратович, жительница польского Щецина, приехала в Одессу с группой туристов на отдых, а заодно поискать среди деловых одесситов обеспеченного жениха. Уже во время разговора ей стало казаться, что счастье само плывет в руки. Правда, однокомнатная квартира со всеми удобствами, принадлежавшая матери Аркадия, которую он после освобождения отправил к сестрам в Жмеринку, ее не совсем устраивала, но одессит так красноречиво рассказывал о ближайшем улучшении жилищных условий, что Стефания смирилась, и через пару дней они подали заявление в ЗАГС.

Сразу после регистрации брака она взяла в привычку расспрашивать супруга о его делах.

- Что у тебя за работа? Из дома уходишь в полдень, возвращаешься, когда вздумается...

- Мой рабочий день не нормирован, поскольку интеллектуальный труд требует вдохновения, - многозначительно отвечал Стахура.

Прошло время, и он стал остывать к жене, которая целыми днями сидела дома, а вечерами с удовольствием коротала время в ресторане, наслаждаясь вином и музыкой. Сам Аркадий Леонидович спиртное на дух не переносил; на этой почве между молодоженами часто вспыхивали скандалы, которые привели к окончательному разрыву семейных уз. В один прекрасный день, собрав свои вещи, а заодно все ценное, что было в квартире, Стефания вернулась на родину.

Недолго погоревав, Аркадий отправился на железнодорожный вокзал. Поезда по какой-то причине задерживались, и в зале автоматических камер хранения народу было, что селедок в бочке. Выбрав удобную позицию, он стал присматриваться к пассажирам, помещающим вещи в ячейки. Его острый взгляд остановился на молодой хорошо одетой женщине; он попытался рассмотреть цифры кода. Но у той со зрением тоже было все в порядке.

- Что высматриваешь? – неожиданно спросила она с нескрываемым польским акцентом. – Хочешь умыкнуть чемодан?

Тут же появилась вторая особа, как оказалось, ее старшая сестра.

- Зачем мне чемодан? Желая познакомиться с очаровательными пани. Честь имею – Аркадий! – представился он по-польски. – Мне очень нравится Польша, а еще больше польские женщины.

После знакомства, разумеется, последовало приглашение домой.

Оставив в городишке Мельце под Жешувом престарелую мать с маленькими детьми, Хонората Гроберска и ее сестра Мария решили съездить в Одессу поторговать на местном Привозе турецким ширпотребом, который брали на реализацию у своих побывавших в Стамбуле соотечественников. Чтобы не тратиться на съемное жилье, сестры приглашение Стахуры приняли и стали жить втроем семейной, юридически не оформленной жизнью. И хотя его квартира мало походила на сераль турецкого султана, зато теперь в ней царил гармония, чистота и уют. Аркадий не мог поверить своему счастью. Но главный сюрприз ждал его впереди.

В процессе совместного проживания выяснилось, что его жены обладают уникальными способностями изъятия чужих вещей из ячеек автоматических камер хранения. Им удавалось не только незаметно подсмотреть набираемые коды, но и, обладая тонким музыкальным слухом, легко определять их по щелчкам. Поначалу Стахура завидовал им белой завистью, потом сожительницы стали его раздражать необоснованными претензиями на несправедливое распределение добычи.

- Ты опять забрал нашу долю, - бурчали недовольные сестры-наложницы.

- Что значит "нашу"? – негодовал Аркадий. – В моем доме все общее.

- Порядочные люди так не поступают, - пытались они усовестить своего повелителя, но безуспешно.

В конце концов, те стали прятать все ценное до лучших времен. Стахура, в свою очередь, отметив резкое снижение семейного благосостояния, отобрал у "жен" паспорта, чтобы не сбежали.

Как-то, будучи в Одессе, Стефания Кондратович решила проведать своего непутевого, но все же законного супруга. Дверь ей открыла Хонората, в шелковом, разрисованном драконами китайском халате.

- Вам кого? – окинув подозрительным взглядом гостью, спросила она.

- Моего мужа Аркадия, - высокомерно ответила Стефания.

- А, прилетела моя птичка! – обрадовался Стахура, обнимая и целуя жену. У сестер в глазах заблестели слезы ревности.

- Успокойтесь девочки, не ревнуйте.

С этого дня Аркадий Леонидович уже по праву считал себя если не султаном, то, во всяком случае, турецким пашой. Сестры Гроберски негодовали. До недавнего времени они делили с ним супружеское ложе, с чем худо-бедно были согласны, теперь же, с появлением законной жены, скандалы возникали каждую ночь. И всегда в выигрыше оказывалась их соперница. С досады женщины стали прикладываться к бутылке, и грозный повелитель, отправляя их на одесские вокзалы, не уставал напоминать:

- В нашем деле нужна трезвая голова.

- Пусть твоя курва тоже работает, а не сидит на наших шеях, - шипели сестрицы.

Но однажды им несказанно повезло: они украли на автовокзале набитый рублями чемодан.

В тот же вечер, выкупив у своего сожителя паспорта, сестры собрались в Ленинград, чтобы достать у местных фарцовщиков валюту и вылететь оттуда на родину. За отдельную плату он с помощью дружков-уголовников подправил им въездные визы, а две чистые декларации с таможенным штампом просто подарил. Да и как не сделать такой щедрый жест, когда содрал с наложниц половину находившихся в чемодане денег!

***

- Скажите, пани Хонората, откуда у вас доллары? – спросила старший инспектор Людмила Ефимова.

- Я уже объясняла, - спокойно ответила пассажирка, - заработала в Болгарии. Мы с сестрой собирали помидоры, нам очень хорошо платили. У меня даже левы остались, - она показала кошелек.

Аналогичную историю поведала начальнику отдела Щипановой ее сестра Мария. И хотя их декларация была оформлена безупречно, все же она вызвала у работниц Пулковской таможни подозрение. Не мог их коллега в Вадул-Сирете не выдать сестрам на сумму свыше трех тысяч долларов форму ТС-28.

- Пани таможенница, поезд шел с опозданием, поэтому ваш сотрудник дал одну декларацию на двоих. Сказал, так можно.

Конечно, этого не могло быть в принципе: с каким бы опозданием ни шел поезд, таможенник выполнил бы свои обязанности в полном объеме. Но проверить, как все происходило на самом деле, не представлялось возможным: со станцией Вадул-Сирет не было телефонной связи.

- Полячки крепко держатся за придуманную легенду, - доложила Щипанова начальнику отдела по борьбе с контрабандой Игнатьеву. – Думаю, не собирали они никаких помидоров, а занимались проституцией. Девки красивые...

- Хочешь отпустить?

- Придется. Без информации из Вадул-Сирета ничего не сделать. Да и три тысячи долларов на двоих – сумма небольшая. К тому же Бобков разрешил возиться с ними не более трех часов. Скоро берлинский рейс; если они готовы поменять билеты, пусть летят.

- Ты пока пригласи их за счет таможи в ресторан, предложи стопку за знакомство, посошок на дорожку, а там авось языки развяжутся. А я сбегаю к погранцам.

От обеда сестры не отказались, но пить спиртное не стали категорически.

- Каждое утро наш хозяин говорил: на работе надо иметь трезвую голову, - объяснила Мария Гроберска. – Мы слушались, поэтому хорошо заработали...

- На помидорах столько не заработаешь, - недоверчиво покачала головой старший инспектор Ефимова.

- Вы правы, пани, - согласилась Хонората. – Как на исповеди скажу всю правду: на болгарских курортах много западных немцев, итальянцев, французов...

- Не надо, - попыталась остановить сестру Мария.

- Там выгодно торговать... своим телом. У нас больная мама, мы собирали деньги на операцию.

Как по команде женщины расплакались; работницы таможи бросились их успокаивать.

- Сейчас придет начальник, и вас отпустят, - пообещала Щипанова.

- Только в следующий раз помните: если везете свыше тысячи долларов, пусть таможенник выпишет удостоверение на валюту, - оттачивала свой разговорный польский язык Людмила Ефимова. – Так и скажите: дайте нам форму ТС-28.

***

- Владимир Николаевич, что с полячками? – поинтересовался у Игнатьева помощник начальника ОКПП "Ленинград" майор Муценек. – У них транзитные визы на семьдесят два часа; если вы их задерживаете, я должен доложить начальству, чтобы потом на пограничников не повесили собак.

- Александр Константинович, помоги связаться с Вадул-Сиретом. А то они рассказывают всякие сказки, а нам не проверить, была ли у них валюта при въезде.

- Ладно, давай паспорта.

Через полчаса Муценек принес ошеломляющую весть: три дня назад сестры Гроберски государственную границу в Вадул-Сирете не пересекали, но так как местные пограничники ведут пофамильную регистрацию транзитников, без труда удалось установить дату, когда это произошло на самом деле. Оказалось – десять месяцев назад. То есть все это время иностранки находились на территории Советского Союза нелегально. Их декларация тоже преподнесла неожиданность: сотрудника таможни, личным штампом которого она была отштампована, еще год назад арестовали за связь с контрабандистами.

После того как сестрам сообщили, чем чреват для них незаконный переход границы, они стали давать правдивые показания, а знали они немало. В ходе допроса выяснилось, что въездные визы подделали друзья Аркадия Стахуры; он же подарил им две чистые декларации с таможенным штампом. Одну, к сожалению, они случайно испортили. Не лишними оказались сведения о гражданах СССР и Польской Народной Республики, которые целенаправленно занимались спекулятивно-контрабандной деятельностью. В этот же день полученная информация была отправлена в Москву в ГУГТК СССР.

Не меньше интересного произошло в следственном изоляторе КГБ на Литейном проспекте. При более тщательном осмотре личных вещей контрабандисток чекисты нашли ключ от гостиничного номера. Оказалось, что они сняли на два месяца люкс-апартаменты в гостинице "Россия". На всякий случай его обыскали. За батареей центрального отопления оперативники обнаружили триста тысяч рублей, десять тысяч долларов, полкило золотого лома и чистую отштампованную декларацию, которая, как оказалось, не была испорчена. Эти ценности сестры Гроберски планировали вывезти чуть позже. Но, увы...

***

Синие "Жигули" мчались на большой скорости по Наримановской улице. Вдруг впереди на проезжей части показалась небольшая выбоина. Не сбавляя скорости, нетрезвый водитель решил ее объехать; он вывернул руль вправо и, не справившись с управлением, налетел на металлическую трубу. Машину от удара развернуло и бросило на железобетонный забор, после чего она превратилась в груды железа. Первым к месту аварии прибыл проезжавший мимо милицейский патруль. К счастью, ни водитель, ни его пассажир не пострадали. Впрочем, это как посмотреть. Из разбитого багажника на асфальт вылетели золотые украшения и столовое серебро. Владельцем "Жигулей" оказался некий Гогия Малеев, уроженец Кутаиси, имевший в определенных кругах кличку Купец. Малеева, скупщика краденого, сотрудники уголовного розыска знали как родного. Он скупал радиоаппаратуру, антиквариат и ювелирные украшения, миндальные орехи и сливочное масло, сахарный песок – одним словом, делал деньги на всем, что предложат. Помимо валюты и золота, Купец собрал на "черный день" несколько чемоданов медных пятак – им, мол, никакие реформы не страшны.

Многие годы Малеев работал исключительно на хлопковых миллионеров из Узбекистана, поставляя им ювелирные изделия, помогая тем самым выгодно вкладывать деньги. Но в последнее время у него появился новый клиент-оптовик: один из сотрудников посольства Польской Народной Республики.

Авария на Наримановской улице позволила работникам уголовного розыска выйти на воровскую шайку, совершившую в Москве, Ленинграде, Свердловске и Махачкале свыше двухсот ограблений. Что касается информации о польском дипломате, то с Петровки ее незамедлительно переправили на Лубянку. И вот в один из дней Гогия Малеев передал пятьдесят килограммов ювелирных украшений сотруднику посольства Юзефу Комарницкому, а тот по цепочке – северокорейскому дипломату Кан Хын Бону. Находящиеся поблизости чекисты снимали эти встречи на видеокамеру. Через два дня сотрудники Брестской таможни задержат корейца при попытке незаконного вывоза золотых изделий в Польшу.

***

Скорый поезд Киев – Легница остановился у пограничной станции Мостисска. Пограничники и таможенники поспешили к вагонам: задержка международного поезда сверх установленного времени недопустима.

Хлопнула дверь в тамбуре, и проводник объявил:

- Граждане пассажиры, пограничный и таможенный контроль! Приготовьте паспорта и декларации!

Досмотр тамбура занимает считанные минуты. Ничто не ускользает от опытного глаза контролеров – каждый люк, каждая задвижка осматриваются. Затем пограничники проходят в спальный вагон. Двое направляются к первому купе. Младший контролер осматривает люки, двери; старший проверяет у пассажиров документы.

Несколько секунд – и паспорт проверен. Мало кто знает, что за внешне простой процедурой идентификации личности стоит кропотливая работа. В этом пограничнику помогают профессиональная наблюдательность, твердые знания оформления международных документов.

И у пограничников, и у таможенников поезд Киев – Легница считается сложным: в пассажирских вагонах множество полых пространств и труднодоступных конструктивных емкостей, их досмотр требует много времени, а на состав из пятнадцати вагонов отводится всего пятьдесят минут. Зачастую поезд следует с полной загрузкой, что также затрудняет проведение досмотра.

Несколько лет назад Кейта Ийя Курала из 1-го Ленинградского медицинского института лишил себя возможности украсить свой врачебный кабинет вставленным в рамку дипломом об окончании ординатуры. Обоснованием к досрочному выезду на родину послужили, говоря языком юридического документа, систематические нарушения правил проживания и передвижения иностранных граждан по территории СССР. Женившись на москвичке, студентке Ветеринарной академии, он часто курсировал между Ленинградом столицей и западными странами, куда ездил исключительно за ширпотребом, который через знакомых дипломатов привозил в Советский Союз. Однажды в поезде с ним приключился конфуз. Оказалось, Кейта Ийя Курала ехал в Москву не только без визы, но и с поддельным железнодорожным билетом. Вдобавок ко всему пытался дать контролерам взятку. Тем не оставалось ничего другого, как вызвать милицию. Те в свою очередь обнаружили в чемоданах дипломированного "зайца" православные иконы, бесспорно представляющие историческую и художественную ценность. Пришлось писать объяснение, признавать, что приобретены эти соблазнительные раритеты не из любви к древним диковинам, а с вульгарной спекулятивной целью. И вез их новоявленный коммивояжер, чтобы затем в неприкосновенном для таможи багаже знакомого гвинейского дипломата переправить в Западный Берлин.

Этот железнодорожный казус был не единственным художеством Куралы на контрабандно-спекулятивном поприще. Вскоре его задержали в аэропорту "Шереметьево" при попытке вывоза крупной суммы иностранной валюты. Именно после этого случая ему пришлось прервать учебу и досрочно покинуть Советский Союз.

- Ваши документы, - обратился к пассажиру старший пограничного наряда.

- У меня дипломатический паспорт, - ответил тот по-французски.

В эту минуту в вагон вошли Валерий Краев и сопровождавший его начальник отдела по борьбе с контрабандой Бойко.

- Как справедливо отметил один англичанин, человек, говорящий по-французски, либо карточный шулер, либо агент на дипломатической службе, - услышав французскую речь, пошутил Краев.

- Кто едет? – поинтересовался Бойко у пограничника.

- Третий секретарь посольства Гвинеи...

- Посмотрим, - предложил Краев. – А то в последнее время развелось много фиктивных гвинейских дипломатов, не знающих по какому адресу находится в Москве их родное посольство.

Какое разочарование ждало Куралу, когда он увидел на пороге купе работника Шереметьевской таможни, который несколько лет назад задержал у него десять тысяч долларов США.

- С каких пор недоучившийся студент стал дипломатом? – удивился Краев. – Что молчишь, не думал меня встретить? Бывает. Давай-ка, дружок, открывай чемодан.

- Вы меня с кем-то...

- Быстро открываем чемодан!..

В багаже предприимчивого экс-студента находились восемьдесят две иконы, золотые изделия, пачки советской и иностранной валюты, а под рубашкой крупный бриллиант; кроме всего прочего, пачка чистых гвинейских дипломатических паспортов – скорее всего, фальшивых. Таможенники передали их представителям погранвойск для проверки. Только предварительная оценка изъятой контрабанды составила порядка миллиона рублей.

В соседнем вагоне внимание работника таможни привлек польский турист, который во время осмотра купе держал в руках транзисторный приемник. Когда иностранца попросили передать приемник для контроля, он, желая показать, что тот в исправности и работает, включил его, но дать в руки отказался. Этот факт послужил поводом для просветки радиоприемника на рентгенаппарате "ВХ". После чего из приемника извлекли двадцать золотых мужских часов марки "Полет" и десять колец с бриллиантами.

...Во время таможенного досмотра международного поезда Москва – Варшава в кожухе с водопроводными трубами и тяговым механизмом были обнаружены завернутые в черную фольгу пятьдесят тысяч западногерманских марок, десять миллионов итальянских лир, две тысячи шведских крон, тысяча двести голландских гульденов. Владельца валюты обнаружить не удалось.

При досмотре легкового автомобиля "Форд Гранада", следующего в Польшу, после снятия внутренней обшивки были обнаружены негашеные почтовые марки в листах, а также письмо композитора Фридерика Шопена, датированное двадцатым сентября 1841 года, адресованное Юлиану Фонтане.

***

...У гражданина ПНР, въезжавшего в СССР на автомобиле "Мерседес", в пустом пространстве между стенкой заднего сиденья и перегородкой багажника обнаружено 1998 кварцевых часов. Как заявил в своем объяснении контрабандист, эти часы он намеревался продать на Центральном рынке города Черновцы.

***

Лето для любой таможни – время не отпускное, а самое что ни на есть горячее. Особенно для Ужгородской, через которую пролегает международное автомобильное сообщение. С каждым годом растут объем грузовых перевозок и автотуризм, а в связи с этим и нагрузка на таможню. В среднем пассажир общается с ее представителями пять-шесть минут, не больше – для более продолжительного общения требуются веские основания.

Пани Тоцкая пребывала в отличном настроении. Белозубо улыбаясь и щурясь от яркого солнца, она рассказывала работнику таможни:

- Мы с мужем любим путешествовать. Этому увлечению посвящаем каждый летний отпуск. Вот и сегодня возвращаемся с Валдая.

Таможенник обратил внимание на штампы в паспорте, из чего следовало, что поездки в СССР, невзирая на время года, супруги совершали весьма регулярно.

- Есть ли у вас предметы, которые необходимо предъявить для контроля?

-Что вы! Никаких.

- Надо поставить машину на яму.

Осуществляя визуальный осмотр благоустроенного прицепа, таможенник отметил, что наружная часть пола ниже внутренней на десять сантиметров, что не исключало наличие тайника. Кроме того, шины прицепа были сильно подкачаны – видимо, из-за большой дополнительной нагрузки. Значит, в полу действительно тайник, только как до него добраться? Буквально обнюхав и ощупав углы прицепа, он наткнулся на выступающую головку шестигранного болта, поворотом которого приводился в действие механизм, открывавший доступ к тайнику; в нем оказалось триста банок мясных консервов, крупная партия иностранной валюты, семь килограммов золотого и серебряного лома и зачем-то двадцать пять чугунных утюгов...

***

В час ночи супружеская пара с двумя малолетними детьми следовала на легковом автомобиле в Польшу. Работник таможни открыл дверцу машины и заглянул в салон. На заднем сиденье спали дети, на полу валялись игрушки. Указав на детей, глава семейства попросил таможенников ускорить контроль. Но быстро не получилось, все вышло с точностью до наоборот. Под обшивкой рулевой колонки обнаружилось много разной иностранной валюты, даже монгольские тугрики; в пустотелых пространствах за приборной доской – ювелирные украшения. В бензобаке находилось двести сорок пять граммов платиновой проволоки и четыре килограмма серебра. Еще один тайник был обнаружен под передними сиденьями. Доступ к нему стал возможен только после разборки покровных листов стержневых рессор.

***

Из сопроводительных документов водителя турецкого фургона следовало, что он перевозит сборный груз. Старший инспектор Тишкин осмотрел кабину, но там все было в порядке. Простучав в нескольких местах внешнюю стенку фургона, он услышал глухой низкий звук.

Водитель побледнел, на лбу предательски выступили капельки пота. Сняв пломбы и печати, инспектор попросил открыть дверь фургона. Внутри – обычная картина: ящики, коробки, тюки... Но они интересовали Тишкина меньше всего. Исследовав внутренние, прикрепленные шурупами боковые стенки, он пришел к выводу, что они двойные. В пользу

этого свидетельствовали не успевшие окислиться сверкающие царапины во врезках шурупных головок. Тишкин попросил водителя снять с правой стенки один из фанерных листов. Когда фанера была снята, оттуда посыпались пакеты с различными товарами. После полной разгрузки были демонтированы все двойные стенки; в их полых пространствах находились предметы контрабанды. По словам водителя, этот товар его попросили доставить во Львов.

***

Аркадий Стахура сидел в густых зарослях уже несколько часов по его предположению, где-то впереди проходила государственная граница, к которой он так долго и скрытно пробирался. Вслед за Хоноратой и Марией на родину выехала Стефания Кондратович, а теперь в Польшу отправился и он. Буквально перед отъездом жены ему удалось украсть на вокзале чемодан, в котором оказалось полмиллиона рублей и большое количество ювелирных украшений. Что делать в СССР с таким богатством? Стефания обещала достать польский паспорт, остальное – дело техники. Еще отбывая срок на зоне, он неоднократно слышал, что границу в этих местах перейти не составляет большого труда. Осмотревшись, Стахура покинул свое убежище и, ориентируясь по компасу, отправился на запад. Через полтора часа ему повстречалось большое стадо коров.

- Далеко ли до заставы? – поинтересовался он у пастуха. – Иду навестить сына, да вот, кажется, заблудился.

Колхозник Павло Бокосх с первого взгляда определил, кто перед ним. Прожив всю жизнь возле государственной границы, он знал, что следует делать в этой ситуации.

- Застава – вон за той горкой. Иди по тропке, мил человек, и не сворачивай, а то забредешь на КСП, на контрольно-следовую полосу. За это погранцы могут строго наказать.

Поблагодарив пастуха, Стахура двинулся дальше. Немного поплутав, он увидел впереди полосатые столбы. Видимо, это была та самая контрольно-следовая полоса, о которой упомянул колхозник. Стахура огляделся и, не увидев никого поблизости, перекинул через колючую проволоку сумку с деньгами и легко пролез сам. Оказавшись по ту сторону границы, перебежчик стремглав пробежал метров триста от КСП, пока, обессилевший, не свалился на землю. Раскинув руки, он радостно закричал:

- Ура! Я в Польше! А в Польше, у кого бабок больше, тот и пан. Свобода!

Однако долго радоваться ему не пришлось: минуты через три перед ним выросли фигуры пограничников. Оказалось, что примерно в трех километрах от польской границы находилась учебная контрольно-следовая полоса с полосатыми пограничными столбами, системой сигнализации и прочим. К ней-то и направил Аркадия Стахуру пастух.

***

Этот старенький автомобиль чекисты вели от самой Одессы до пропускного пункта Шегини. По данным агентуры, он был просто нашпигован тайниками, в которых перевозились ювелирные украшения и валюта. В Шегини его сразу поставили на яму для тщательного досмотра.

Ввиду того, что не был найден механизм, открывающий доступ к предполагаемым тайникам, таможенники пробили в полу пробные отверстия. Осмотрев пустотелые полости с помощью эндоскопа, они обнаружили крупную сумму иностранной валюты, а в одной из фар – два килограмма ювелирных изделий.

Впоследствии было найдено еще несколько хитроумных тайников, но для того чтобы добраться до них, пришлось полностью разобрать автомобиль. Используя

труднодоступные места сокрытия, контрабандисты надеялись, что таможенники не рискнут пойти на столь рискованный шаг.

***

Теплоход "Эстония" прибыл в Одессу по расписанию. Таможенники уже знали, что предстоят большие хлопоты. Около трехсот польских туристов, которые должны были отправиться на родину, привезли семьдесят тонн груза: джинсы, мануфактуру, парфюмерию и прочее добро. На теплоходе все палубы забиты тюками, мешками... В каютах не повернуться, снизу доверху чемоданы, сумки, баулы... Похоже, товар в Стамбуле закупулся оптом и в большой спешке.

- Я был просто в шоке, когда увидел, какое количество груза пришлось брать на борт теплохода, - заявил старший помощник капитана. – Причем по контракту с фирмой "Логотур", которая фрахтовала нас, бесплатно перевезти мы обязаны только пятьдесят килограммов на человека, то есть порядка пятнадцати тонн, не больше. Но платить за дополнительный груз поляки отказались.

Началась выгрузка, но тут же случилась заминка: пассажиры увидели, что их вещи прямо с теплохода стали загружать в железнодорожные вагоны. На палубе раздался возмущенный ропот: поляки отказывались покидать судно.

У морского вокзала – сотни машин, и не только с одесскими номерами. Это перекупщики съехались встречать партнеров по бизнесу. Криками они подбадривали их, кто-то даже попытался прорваться на борт теплохода. Таможенникам пришлось поднять трап и вызвать милицию.

И все же на другой день специальным железнодорожным составом польские туристы были отправлены из Одессы на западную границу. В трех опломбированных багажных вагонах под охраной следовало семьдесят тонн багажа.

Из группы, прибывшей из Польши для посадки на теплоход "Эстония", чтобы отправиться в очередной рейс в Стамбул, отказались от круиза двести пятьдесят человек, на борт поднялось чуть больше сорока. А еще через две недели туристическая фирма "Логотур" прекратила дальнейший фрахт теплохода в связи отсутствием клиентуры.

В ШЕРЕМЕТЬЕВО

Июльским днем, после длительного перерыва, Владимир Никандров отправился в "Шереметьево". Перерыв был вызван категорическим запретом руководства Управления по борьбе с контрабандой, чтобы, не дай бог, нечаянно не спугнуть или не насторожить бригадира грузчиков Киселева. Но сегодня ему крайне необходимо побывать в таможене. Во-первых, за границу вылетал американец Кеннет Джонсон, на скрипке которого сотрудники Пулковской таможни поставили невидимые метки. Если действительно произойдет подмена инструмента, Владимиру предстояло дать свидетельские показания. Во-вторых, с собой у него пара литров самогонки, а на закуску кура по-нерингски: хотелось отпраздновать в кругу сослуживцев день рождения: все-таки недавно стукнуло двадцать восемь... А еще начальник таможни выписал ему премию за операцию по задержанию серебряной фигурки оленя. Тоже приятный повод.

- Скажите, мистер, тот ли музыкальный инструмент, который был ввезен ранее, вы сейчас вывозите? – поинтересовался старший инспектор Понтюхин у пассажира, в таможенной декларации которого была указана скрипка неизвестного итальянского мастера восемнадцатого века.

- Да, тот самый.

Но уверенный ответ не развеял сомнений инспектора, полную ясность внес приглашенный эксперт. На месте подлинного этикета он обнаружил наклеенный фальшивый, вырезанный из каталога. Как оказалось, под ним в страну был ввезен обычный современный инструмент, а вывезти Кеннет намеревался уникальную скрипку, которая десять лет назад была похищена из квартиры народной артистки РСФСР Галины Горовой-Бакуниной. Но американец отметал выдвинутые против него обвинения, утверждая, что скрипка его, а все остальное смахивает на провокацию КГБ.

Тогда пассажиру продемонстрировали отснятый в аэропорту "Пулково-2" видеоматериал. Во время личного досмотра у него нашли в кармане рубашки вырезанный из каталога этикет на скрипку "Гварнери дель Джезу, 1698".

Джонсону пришлось признаться, что музыкальный инструмент не его, а принадлежит московскому приятелю, и вывозился с единственной целью – для последующей продажи за границей. Уже в Лефортово он расскажет следователю, что этот случай в его контрабандной практике далеко не первый, а Сергей Дьяченко, руководитель оркестра иностранных студентов при Московской консерватории, является автором хитроумной схемы, в которой Джонсону отводилась роль курьера-экспедитора.

Четыре года назад иностранец привез в Москву обычную скрипку фабричной работы, которую предъявил таможенному контролю, предварительно снабдив фальшивым этикетом "Санта Серафим", а уже позднее вывозилась подлинная, с настоящим этикетом. Впоследствии скрипка была продана в США за сорок тысяч долларов. Всего контрабандистам удалось вывезти пять уникальных скрипок и смычок. Таким же образом сообщники намеревались действовать и на этот раз...

***

- Показала открытку Алисии Григорьевне?.. – спросил Владимир Вику Матвееву.

- Так точно, товарищ большой начальник! – шутливо отпартовала та.

- Викуша, хватит паясничать, рассказывай...

- Наша баба Лиза в молодости пользовалась успехом у многих мужчин, поэтому не могла вспомнить, о ком речь.

- Совсем ничего?..

— В Литве у нее было двое воздыхателей: один вместе с бароном Толлем отправился из Мемеля в арктическую экспедицию, но вскоре пропал без вести в районе Новосибирских островов; другой учился в Кенигсберге. Она назвала университет, но я забыла.

- Альбертина, - подсказал Владимир.

- Все-то ты знаешь, - удивилась стюардесса.

- Больше ничего?..

- Второй писал ей длинные письма, присылал цветы и даже янтарный браслет.

- Напоминает "Гранатовый браслет" Куприна.

- Могу поискать письма.

- Это, скорее всего, тот, кого я ищу. Найди, сравним почерк.

- Володька, а, правда, что ты с Юлианом Семеновым пишешь книгу? Тебе для этого письма нужны?
- Кто сказал?
- Валерка Краев, а ему якобы Андрей Привалов.
- Сама подумай, кто такой Семенов и кто я.
- А бесплатные билеты? – напомнила Вика. – Так что лучше помолчи.
- Хорошо, помолчу.
- И не забудь черкнуть про бабу Лизу.
- Как только, так сразу.
- Ты не лыбься, а наматывай на ус. Недавно нашелся портсигар, которым генерала Сурнина, ее первого мужа, наградила царь Николай Второй. Мы ездили в КГБ, и в торжественной обстановке нам вернули его. А Павел Лутохин, ее второй муж? Там такая любовь... Никандров, напишите с Семеновым.
- Опять без меня меня женили, - бросил он в сердцах.
- Кстати, о женитьбе. Ты не хочешь взять Дашку в жены?
- В свахи подрядилась?
- А что плохого?
- Утром ехал с твоей подругой в автобусе; была вся какая-то потерянная, даже не заметила меня.
- Что ты хочешь – ночь без мужчины – повод для кручины – бери, будет хорошей женой.
- Не хочу.
- Слушай, Никандров, не крути носом – девка-то нормальная.
- Лучше письма найди.
- Сколько времени? – взглянула на часы Вика. – Ой-ё-ё! Побежала на рейс, а ты подумай насчет Дашки.
- Найдешь письма – позвони.

***

Никандров подошел к таможенной стойке, за которой работал старший инспектор Чесноков.

- Привет, Гарик!
- А ты откуда?
- Да вот приехал из Прибалтики.

- Смотрю, не тянет в родные пенаты?
- Почему? тянет, но Бояров требует найти контрабандистов, которым кто-то штампует декларации.
- И долго еще будешь искать? – усмехнулся Чесноков.
- Одного нашел, так его менты забили, как мамонта, второй покончил жизнь самоубийством. А мертвые, сам знаешь, не потеют и объяснений не дают.
- Слушай, Валерка действительно завязал или притворяется?
- Ты о чем?
- О войне с "зеленым змием". Тут как-то собрались мужики снять стресс, а он вдруг заявляет: не буду пить вторую, пока не выпью первую...
- Чтоб не пить вторую, не надо пить первую, - поправил Владимир.
- Женится на молодой... – с оттенком зависти промолвил Чесноков.
- Я ее знаю – хорошая девчонка.
- Да... а тут как родился неудачником, так им и помрешь.
- Ну, какой ты неудачник?! Работал за границей, есть квартира, машина... Будет плакаться.
- Хорошо говорить, когда тебе высокое начальство покровительствует.
- Жизнь, Гарик, как матрас – полоса белая, полоса черная.
- Это точно! Слышал, Юлиан Семенов берет тебя в долю?
- Мне об этом не известно.
- Тут одна пассажирка дала мне дневник. Американец собирал в Таиланде материал о контрабанде героина, но потом его убили. Я прочитал, есть интересные места. Возьми, авось пригодится.
- Может, вместе поработаем?.. Я полкниги уже нацарапал.
- Совсем нет времени.
- В Пулковской таможне начальник отдела настроил повесть в сто двадцать семь страниц, а москвичи что, рыжие?
- Не могу, уже сижу на чемоданах, - отказался Чесноков. – Подберу ударный материал, а уж ты сам... Кстати, журналистка помогает?
- Она вышла замуж... – вздохнул Владимир.
- Что так тяжело?..
- Да как тебе сказать...
- Не переживай! Все будет нормально. Это я хронический неудачник во всем. Даже имя начинается с несчастливой буквы.

- А есть счастливые?..
- Конечно: В, Д, К, а вот Г несчастливая.
- А буква Л?
- Л – нормальная, а вот Г...
- Брось ныть! За границу едешь, денег заработаешь.
- Да не в деньгах счастье...

К стойке подошел крепкого телосложения парень. Чесноков потребовал поставить чемодан на транспортер. Но когда тот увидел стоявшего рядом Никандрова, забыв обо всем, радостно воскликнул:

- Володька, братан!
- Кузьма! – оторопел Владимир. – А ты как здесь?..
- Не успел откинуться – послали в Штаты на соревнования, - объяснил его бывший сокамерник. – А ты куда лыжи наострил?..
- Работаю здесь.
- В таможене? Никогда бы не подумал...
- Товарищ, хватайте багаж – и на регистрацию, - перебил его Чесноков, - иначе самолет улетит без вас.
- Держи координаты, приеду – надо встретиться. – Кузьма протянул Владимиру визитную карточку. – Может, чего привезти? Говори, деньги есть.
- Спасибо. Обязательно позвоню.
- Откуда знаешь? – кивнул Чесноков в сторону паспортного контроля, куда направился пассажир.
- Сидели в одной камере.
- Как там?
- Врагу не пожелаю.
- Совсем плохо?
- Не то слово. Кто был там - не забудет, кто не был – будет.
- Типун тебе на язык.
- Давай, Гарик, завязывай на сегодня и поднимайся в отдел – треснем, закусим...

***

- Владимир Николаевич, - обратился к Никандрову Антон Малиновский, - поздравляю вас с днем рождения.

- Спасибо, Антон, спасибо.
- Владимир Николаевич, поддержите Дочку, сбегаю за подарком.
- Ничего не надо.
- Хотим подарить вам собаку.
- Зачем?.. – испугался Владимир.
- Держите, я мигом! – Вручив Никандрову поводок, Малиновский уже спешил в раздевалку.

Тут Владимир попался на глаза сотруднице службы рекламаций.

- Не хочу подниматься на седьмой этаж, передай Крючкову бумаги, пусть разрешит реализацию невостребованных вещей, - сказала она.
- Не по адресу: отделу по борьбе с контрабандой эти функции чужды.
- Читай: "Без разрешения Крючкова..."
- Ну, если так... Вернулся Малиновский.
- Позвольте вручить от группы кинологов... – Он достал из пакета чугунную фигурку собаки каслинского литья.
- Такую собаку приму, - залюбовался подарком Владимир. – Антон, с меня стакан!
- Поскорее возвращайтесь, хочется работать по-настоящему.
- Уже скоро!

***

- Каким ветром?.. – спросил Никандров Артема Петрова. – Звонил, сказали – в отпуске.
- Мне передали, вот и заскочил.
- Где отдыхал?
- А ведь он тогда крутился поблизости, - вдруг что-то вспомнил Артем. – Точно, крутился.
- О ком ты? – не понял Владимир, но потом, заметив в толпе пассажиров бригадира грузчиков Киселева, сообразил, кого имеет в виду психолог.
- Помните, золотые монеты?
- Молчи! – прошипел Владимир.
- Крутился поблизости. И даже был возбужден.
- Сказал – помолчи.
- Это он провел тех армян, - все не мог успокоиться Петров.
- Натяни улыбку на морду.

Когда Киселев поравнялся с ними, Никандров радостно приветствовал его:

- Олег Иванович, сто лет, сто зим!.. Как живется-можетя?!
- И живется хорошо, и можетя неплохо, - с едва уловимой настороженностью ответил тот.
- Могу быть чем-то полезен, товарищ начальник?
- Случаем не знаешь, кто написал стихотворение "Вокзал, несгораемый ящик..."? А то вот поспорили... – он кивнул на Артема. – Говорит, Бродский...
- Кто написал "Муму", знаю, а вот про вокзал – извини...
- Жаль, - искренне посетовал Владимир. – Но это не снимает с тебя проставу за бригадирство.
- Ты, Николаич, тоже обещался за должность. А тут еще день рождения. У меня все записано.
- Не бойсь, не заржавеет. Вот соберем мужиков и махнем на природу. Я самогона наварил...
- Если через недельку, а то связался с ремонтом, будь он неладен.
- Ловлю на слове.

Как только Киселев ушел, Артем принялся за свое:

- Он все вокруг бегал...
- С этого дня в «Шереметьево» ни ногой, - строго предупредил его Владимир.
- Так по делам же, - стал оправдываться кандидат психологических наук. – И ваш день рождения...
- Не послушаешь меня, завтра получишь приказ Федосеева.
- Понял, - безропотно согласился тот. – А стихотворение написал Борис Пастернак.
- Какое стихотворение?
- "Вокзал, несгораемый ящик, разлук моих, встреч, и разлук...". Разрешите поздравить!.. – Петров протянул Владимиру подарок: двухтомник некогда опального поэта.
- Спасибо, Артем. Обязательно почитаю. А ты не бери в голову.
- Я же понимаю – работа оперативная.
- Пошли в отдел, угощу курочкой... Сам ловил, сам готовил.

***

Утром Никандрову позвонил Виктор Михайлович Крючков. Его интересовало, где бумаги, полученные от сотрудницы службы рекламаций. Долго искать не пришлось – они лежали в пакете вместе с подарком кинологов. Крючков настоятельно просил прислать их с ближайшей развозкой.

"Надо же было так лопухнуться. Теперь придется ехать, - подумал Владимир. – Когда там ближайшая?.. Поеду в двенадцать. Из-за чего хоть сыр-бор? Ни хрена себе! – пробежав глазами по тексту, схватился он за голову. – Мама родная! Еще год назад могли бы разобраться с "бесхозной контрабандой" на "Приморске". Если показать начальству, не исключен грандиозный скандалчик. А может, вернуть бумаги в Шереметьево, и дело с концом?"

Немного придя в себя, он позвонил Крючкову и вкратце объяснил причину, по которой должен сначала показать их руководству Управления по борьбе с контрабандой.

***

- Почему материал валялся неизвестно где? – ознакомившись с бумагами, спросил Федосеев.

- Почему неизвестно?.. – усмехнулся Владимир. – Как и положено, в службе рекламаций. После дакарского рейса в зале прилета осталась невостребованная коробка, в ней, помимо других вещей, оказалось свыше сотни электронных часов "Сейко" и "Ориент", а также фотоаппарат "Зенит" с браком. Перед этим коробку попытался вынести из зоны досмотра старший механик Тарасов. Когда ее хотели просветить на рентгене, появился второй помощник капитана Балтрунас, который заявил, что это не тарасовская коробка, а чужая... Наши сначала решили, что коробку забыл африканский студент, и работникам службы рекламации было указано: без разрешения Крюčkова ее не выдавать. Но время шло, а за коробкой никто не приходил.

- Почему ты решил пристегнуть к ней Тарасова? Вдруг он действительно ошибся?

- Фотоаппарат "Зенит" был продан в Клайпеде.

- Что, если совпадение?

- Что, если не совпадение? – возразил Никандров. Просмотрев еще раз бумаги, Федосеев потянулся к телефону.

- Виталий Константинович, не могли бы принять?.. Иду.

- Да! – покачал головой Бояров. – Ищем контрабандистов, а ценная информация год пылилась незнамо где. Передай ее вовремя чекистам, и дело раскрыли бы, и трупов бы не было.

Обсудив с Федосеевым дальнейшие перспективы, первый заместитель начальника Главка попросил помощника соединить его с Вильнюсом. Разговор с генералом Юргайтисом длился довольно долго.

- Завтра будет в Клайпеде, - пообещал собеседнику Бояров. – Июль, август... Не имеет значения. Будет столько, сколько нужно.

Переговорив с Вильнюсом, он поинтересовался у Федосеева: - Вы поняли, о чем речь?

- Более-менее.

- Подготовьте приказ о командировке Никандрова. Раз обещал генералу Юргайтису поймать контрабандистов, пусть держит слово.

- Надеюсь, сдержит.

- Еще тогда я обратил внимание, что у него не было полной уверенности в завершении операции "Мореходы", - размышлял вслух первый заместитель начальника Главка. – Видимо, чувствовал – дело не бело.

- А как быть с бумагами? – кивнув на стол, спросил Федосеев.

- Пока останутся у меня. Кроме того, на дополнительную информацию Никандров может не рассчитывать.

- Тарасов и Балтрунас работали?..

- Да, и оказались двурушниками. Поэтому их информация Никандрову ничего не даст. Еще скажете открытым текстом: от него не ждут подвигов, достаточно аргументированного подозрения в отношении кого-либо, все остальное доработают чекисты.

- Передам.